

**Феноменологическая эйдетическая
дескрипция эмоций:
спокойствие-безмятежность**

© кандидат филологических наук В. Н. Базылев, 1999

Эволюция культурных/языковых концептов — это путь от открытия (рефлексии) феномена (эмоции) до его овнешнения (экземплификации). Это овнешнение может носить в культуре характер персонифицирования вплоть до антропоморфности, либо характер присвоения имен собственных, сублимирующих всю мифологию культуры в целом.

Исследование такого рода феномена культуры и языка требует, на наш взгляд, определенного методологического подхода. Таковым следует считать феноменологическую эйдетическую дескрипцию, как она описывалась в работах Э. Гуссерля, исследованиях школы Э. Р. Йенша и статьях П. П. Блонского.

Эйдетический феномен — способность человека с исключительной точностью, вплоть до малейших деталей, сохранять образы предъявляемых ему картин. Данный феномен входит в ряд того, что психология квалифицирует как образы: между последовательными и мысленными; занимая срединное положение между восприятием и представлением. Мы позволим себе использовать в ряду терминов, фиксирующих данную сущность, — 'визуализация'.

Интересно, что данное свойство зависит и определяет структуру личности за счет когерентности, гесп. взаимопроникновения эмоционального освоения (со-пере-живания) внутреннего и внешнего мира человеком — личностью, и интегративности, т.е. активизированного взаимопроникновения (взаимовхождения, ср. метафору "шар в шаре") всех психических функций. Эйдетические образы — это лишь поверхностный симптом ('стигма') данных процессов.

Воображение, если оно достаточно живо, всегда в настоящем времени. "Увиденные снова" воспоминания, далекие края, грядущие встречи или даже прошедшие эпизоды, которые каждый человек аранжирует у себя в голове, произвольно меняя их течение, — все это постоянно прокручивается в нем, наподобие внутреннего кино. В результате, когда два человека в комнате вспоминают об отпуске, они уже перестают видеть комнату; восприятие комнаты подменяется образом пляжа, люди думают, что они на пляже. Это возвращает нас к достаточно старой теории — т.н. эмпирической теории воображения, существовавшей от Юма до Тэна (с тех пор многие — от Бергсона до Мерло-Понти, от Але-

на до молодого Сартра — занимались ее опровержением), — согласно которой образ или воспоминание являются слабыми перцепциями, а "достаточно живой" образ — настоящей перцепцией, тогда как любая перцепция — это "истинная галлюцинация"; это абсолютно теоретическая теория, устраняющая из образа всякое сознание его образности, из воспоминания — всякое сознание прошлого, из грезы — всякое онирическое чувство и сводящая психическую жизнь к развертыванию серии ментальных (когнитивных) образов, которые совершенно равноценны и различаются только своей интенсивностью.

Реальное и фиктивное, соединяясь, перемежаются. Реальность может в какой-то момент выдать себя за свою собственную репрезентацию. Можно говорить в таких случаях о способности к непрямому видению или, скорее, о неспособности к видению прямому, непосредственному. Но это не прямое восприятие является неизбежно восприятием дефективным, так что часто невозможно различить, явилось ли оно результатом утраты реальности, ее досадного исчезновения, или же ее благотворного обретения, сведения к сущности, ибо оно не просто смазывает предмет, воспринимаемый сквозь другой, но оно еще в большей степени искажает тот предмет, которому навязана переходная роль и, так сказать, транзитивное состояние простого знака.

Человек ищет смысл и связность мира на уровне ощущений, субстанциальных грез, высказанных и невысказанных предпочтений в отношении некоторых стихий, веществ, тех или иных состояний внешнего мира, то есть на уровне той глубинной, но открытой вещам области сознания, которую Г. Башляр назвал "материальным воображением".

Человеку с трудом даются метаязыковые способы рефлексии: это требует всегда специального обучения. Представить мир в виде коня проще, нежели представить себе мир в виде материи. Ю. М. Лотман полагал, что предлагаемое в первом случае семиотическое решение при овнешнении рефлексивных процессов сводится к ссылке (отсылке) на метатекст, то есть не текста, выполняющий металингвистическую функцию по отношению к данному; при этом описывается объект и описывающий метатекст принадлежат одному и тому же языку. Следствием этого является принципиально монолингвистичное понимание мифологического описания — предметы (феномены, события) этого мира описываются через такой же мир, построенный таким же образом. Во втором случае мы имеем ссылку на метаязык (на категорию или элемент метаязыка). Такое описание определенно полилингвистично — отсылке к метаязыку важно как отсылка именно к иному языку. Соответственно и понимание в одном случае связано с узнаванием и отождествлением, в другом — с переводом. В первом случае понимание и осмысление опре-

деляется через трансформацию, что связано со знанием и навыками процессов трансформации, во втором — с переводом, что связано со знанием и навыками перекодировки.

Методология феноменологической эйдетической дескрипции получила практическую методическую разработку в школе Э. Р. Йенша (Марбургская школа) [1].

Школа Э. Р. Йенша вводит следующие параметры о-предел-ения обсуждаемого феномена:

- предо-предел-енность возникновения за счет недифференцированности, взаимоперемежения всех составляющих высших психических функций;

- позиционная структурированность между ("в зазоре") восприятием и представлением, как психологическими (ментальными, когнитивными) процессами, связанными и высшими психическими функциями: памятью, мышлением и речью; в этой связи интересны параллели из иной области когнитивного: возможность мышления метонимического и метафорического (resp. соотношение метафоры и метонимии). Возможно понимание метафоры как помещаемого в зазоре между смыслом и референтом, в процессе размышления над предметом, событием или чем-либо другим как некоторым объектом; этот подход подчеркивает познавательную ценность метафоры. Но можно поместить метафору не в зазоре между смыслом и референтом, а в пространстве между сказанным и подразумеваемым, между буквальным, или "собственным", словесным выражением и его перифрастической заменой; тем самым метафора избегает познавательной нагрузки, располагаясь на собственно языковой территории;

- предо-предел-енность проявления за счет аффективных ситуаций; при этом в подобных — эмоционально-стрессовых состояниях — эйдетические феномены могут предопределять поведение человека поверхностно-открыто-овнешненно; в иных же, не столь однозначных ситуациях, это может латентно (невыраженно явно) предопределять поведение личности; что выявимо лишь как "отклонение от нормы" (положение, конечно, весьма условное и спорное, но, с нашей точки зрения, имеющее место быть в переходе к измененным состояниям сознания);

- предо-предел-яемость (в т.ч.) им (феноменом) структурирования (ре-структурирования) картины мира (Weltbild) личности; для человека характерна реакция не столько на непосредственные внешние раздражители, сколько на содержание отраженного мира, т.е. на отраженные в сознании элементы мира. В соответствии с этим эволюционная тенденция сводится, по-видимому, к тому, что элементарными реакциями (этот

мир отражения и восприятия) остаются психическими и подверженными гибкому приспособлению все время изменяющемуся окружению как и наш мир представлений, с которым они связаны самым тесным образом;

– нерефлексивное (бессознательное) владение индивидом богатством эйдетических образов не ведет к тому, что они воспринимаются не как что-то чуждое (Fremdes), навязанное извне, но, наоборот, как что-то неотрывно и неразрывно личностное (Ichzugehöriges), не как нечто обременительное, от чего хотелось бы отмахнуться, как от навязчивого и неприятного (неприемлемого), но как что-то глубоко личное, свое особенное и дорогое, что необходимо беречь и с-о-хранить;

– рефлексия же эйдетических образов человеком предопределяет постепенную и неизбежную фазу отчуждения их (человек не может произвольно изменить состав эйдетического образа); дезинтеграция эйдетического образа и личности ведет, с одной стороны, к тому, что он начинает ощущаться как нечто чужеродное, отчужденное, чуждое личности, мешающее ей, навязанное извне; с другой стороны, к тому, что они (эйдетические образы) могут (способны) к автономному существованию в семиосфере в качестве продукта рефлексии;

– предо-предел-яемые сферой мотивов и интересов личности, эйдетические образы, будучи отчужденными, приобретают особую смысловую значимость (sinnvoll), они могут по иному (по новому) перекомбинировать события (самым невероятным образом), сохраняя при этом взаимо-привязки к их фактическому (фактуальному) составу;

– про-явление эйдетических образов — это один из процессов восстановления целого (личности), которое пред-определяет элементарные восприятия и представления личностной картины мира.

Далее мы хотели бы привести иллюстрацию того, как исчисленные параметры действительно могут быть опознаваемы в поведении человека. Обратимся к известному диалогу Алисы и Кота из “Приключений Алисы в стране чудес” Л. Кэрлла.

[эмоционально-стрессовая ситуация/состояние Алисы] ↔ [не-дифференцированность]

— Тогда до вечера, — сказал Кот и исчез.

Алиса не очень этому удивилась — она уже начала привыкать ко всяким странностям [готовность к переходу в изм. сост. созн.]. Она стояла и смотрела на ветку, где только что сидел Кот, как он вдруг снова возник на том же месте [возникновение "зазора"] [картина мира — становление].

- Кстати, что случилось с ребенком? — сказал Кот. — Совсем забыл тебя спросить.

- Он превратился в поросенка, — отвечала Алиса, и глазом не морг-

нув ["ззор"-метонимия] [картина мира].

- Я так и думал, — сказал Кот и снова исчез.

Алиса подождала немного, не появится ли он снова, но он не появлялся [нерефлексивн. "с-о-хранить"], и она пошла туда, где по его словам, жил Мартовский Заяц.

- Шляпных дел мастеров я уже видела, — говорила она про себя. — Мартовский Заяц, по-моему, куда интереснее [мотив; интерес]. К тому же сейчас май — возможно он уже немножко пришел в себя ["ззор" — метафора].

Тут она подняла глаза и снова увидела Кота [картина мира].

- Как ты сказала: в поросенка или в гусенка? — спросил Кот.

- Я сказала: в поросенка, — ответила Алиса [восстановл. личность]. — А вы можете исчезать и появляться не так внезапно? А то у меня голова идет кругом [рефлексивн. отторжение].

- Хорошо, — сказал Кот и исчез — на этот раз очень медленно. Первым исчез кончик его хвоста, а последней улыбка; она долго парила в воздухе, когда все остальное уже пропало [перераспределение].

- Д-да! — подумала Алиса. — Видала я котов без улыбки, но улыбка без кота! Такого я в жизни еще не встречала [восстановление целого] [эволюция к приспособл.]

Феноменологическая эйдетическая дескрипция ориентирована, таким образом, на когнитивно-эмоциональное психосоматическое состояние человека. Описать эмоцию означает исчислить (в т. ч.) словесные обозначения, посредством чего (через промежуточные ступени — см. ниже) происходит осуществление смысла в созерцании посредством приведения его к очевидности при помощи иллюстрации.

Эйдетика полагает, что субъективные модели мира и поведения в мире могут обретать характер достаточно овнешненный, абстракции могут быть даны конкретно, наглядно и вполне самостоятельно. Психосоматика человека и есть это конкретное (овнешненное), наглядное (поведенческое) и самостоятельное (базовые эмоции).

Спокойствие-безмятежность как психосоматическое состояние есть феномен включения собственного внутреннего состояния в комплекс взаимодействия человека с окружающим его миром.

Ориентация человека в своей когнитивной области, выбор того, куда ориентировать свою когнитивную область, совершается человеком в результате ауторефлексии собственного состояния. Спокойствие-безмятежность как психосоматический феномен интересен именно тем, что в культуре и в человеке подвержен ауторефлексии и не настолько патологичен, чтобы необратимым образом определять поведение.

Комментируя Э. Гуссерля, П. П. Блонский следующим образом

проэлементирует феноменологическую эйдетическую дескрипцию: словесное обозначение — психические переживания познающего, соизначаемые этим обозначением — акт "мнения" какого-либо смысла — смысл — мнимый через этот смысл предмет познания — акт созерцательного осуществления смысла — осуществление смысла в созерцании посредством приведения его к очевидности при помощи иллюстрации [2].

Недаром Г. Гийом утверждал, что "изучение языка приведет к познанию тех средств, которые мышление в течении веков изобретало для обеспечения почти мгновенного перехвата того, что в нем происходит" [3].

Когнитивно-эмоциональное психосоматическое состояние человека, определяемое в культуре как СПОКОЙСТВИЕ-БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ, дает следующую палитру стереотипов (примеры-цитаты даются по Словарю современного русского литературного языка: в 20 т. М., 1992).

- в поведении и физиологии: хорошая работоспособность, быстрая реакция, невосприимчивость к психосоматическим заболеваниям, прекрасное физическое развитие

Это был человек честный, добрый, обладавший громадной физической силой, но, как все силачи, спокойный и сосредоточенный (Помял. Оч. бурсы, 3).

- в эмоциях: удовлетворенность

[Заусайлов] человек спокойного темперамента, благодушно медлительный (Голуб. Когда крепости не сдаются, I, 2).

Мирвольский шел спокойным, размеренным шагом (Сартак. Хребты Саянские, кн. III, I, 37).

- в сексуальном поведении, в отношении к детям: постоянство в интересе, переходящем в творческую мысль, любовь к детям

И прежние мечты свои, и ум, и сердце, — все это отдала она детям, так весело играющим в этой комнате, и счастлива она была их безмятежным счастьем (Григор. Гуттаперч. мальчик, V).

Я тебя люблю, видишь ли, такой хорошей, спокойной любовью ... как мать, люблю я тебя иногда, хотя ты одних лет со мной (М. Горький. Чудаки, 1).

- в контроле над окружающим миром: высокая степень владения собой, хорошая контролируемость других людей, либерализм и демократичность

Мы, коренные крутогорцы, до такой степени привыкли к нашему безмятежному захолустью, что появление проезжего кажется нам оскорблением (Салт. Губ оч. II).

Казалось, спокойствие поздней любви родителей отразилось в ха-

рактуре дочери этою недетскою рассудительностью (Корол. Слепой музыкант, III, 3).

- в действительной ценности для общества по сравнению с видимой ценностью: видимая ценность является действительной ценностью, творческая конструктивность, изменение окружающего мира на благо себе и другим

Скоро мне на покой, а тебе — в работу. Пока я жив, перенимай от меня что надо (Перегуд. В те далек. годы, I, 1).

- в этическом уровне: этика на основе разума, учет этических норм группы, честность

Как могла она, зная себя неверной, быть по-прежнему спокойной, по-прежнему ласковой и доверчивой с ним (Тург. Дворян. гнездо, 16).

- в отношении к правде: с осторожностью делаются правдивые заявления, по мелочам возможно неправдивое отношение с людьми

Дмитрий Борисыч далеко не спокоен. Два обстоятельства гложут его сердце (Салт. Губерн. оч. 1).

- в уровне смелости: высокий уровень смелости

Он вспомнил все подробности победы, свое спокойное мужество во время сражения (Л. Толст. Война и мир, т. I, II, 9).

- в особенностях речи: готовность говорить о своих глубоких убеждениях и взглядах; восприятие убеждений и взглядов, выраженных в осторожной форме

Я только тогда спокойно вижу, когда с тобой говорю (М. Горький. Васса Железнова, 1).

Господину Голядкину немедленно понадобилось, для собственного же спокойствия, вероятно, сказать что-то самое интересное доктору (Дост. Двойник, 1).

- в уровне реальности: осознание возможности того, что иная реальность может иметь место, сдержанное согласие

Егорка не возвращался. Никита понимал, что это хороший знак... Он был спокоен теперь за брата (Атаров. Пятый туз).

- в способности справляться с ответственностью: способность принимать и нести ответственность

Отец с удивлением воззрелся на дочь. Она сидела спокойно, улыбаясь, уверенность звучала в ее словах (Вирта. Вечерн. звон, т. I, IV, 2).

- в настойчивости достижения цели: высокая творческая настойчивость в достижении цели

А она, гордо подняв седеющую голову, с ледяным спокойствием, не проронив ни единой слезинки, выслушала до конца плаксивую речь адвоката (Саян. Лена, IV, 4).

- в буквальности понимания сказанного: высокая способность ви-

деть отличия, хорошее понимание при любом общении

Я прошу спокойствия, но не гробовой тишины (А.Н. Толстой. Дым, 2).

- в методе обращения в людми: привлекает поддержку людей своим практическим суждением и умением вести себя в обществе

Спокойный вид Дерсу, уверенность, с какой он шел без опаски и не озираясь, успокоили меня (Арсен. По Уссур. краю, 18).

- в подверженности гипнозу: не поддается введению в транс

С человеком спокойным, рассудительным и благожелательным трудно завести ссору (Доброл. Всероссийск. иллюзии).

- в способности испытывать удовольствие в настоящем времени: жизнь большей частью доставляет удовольствие, способность в полной мере испытывать удовольствие от существования

Мы, не моряки, спали опять безмятежно и безмятежнее всех — я (Гонч. Фр. Паллада, т. II гл. 4).

Миловидное лицо имело всегда веселый вид, но веселость эта была какая-то тихая и спокойная (Дост. Бр. Карамаз. X, 4).

- в ценности как друга: очень хорошая

Было в нем что-то непохожее на людей, среди которых росла Лена. Нравилась грубоватая прямота его, спокойная уверенность в правильности избранного пути (Саян. Небо и Земля, II, 9).

- в любви окружающих любовь и уважение

[Настя:] Лука, говорят, за спокойствие в тебя влюбился.

[Елена:] У самого-то нет покоя, оттого (Леон. Волк, I, 6).

- в состоянии принадлежащих вещей: хорошее состояние

Старичок этот был уже в отставке и жил себе в Николаевке на спокойное, в собственном домишке (Корол. Соколинец, 7).

- в понимании окружающими: хорошее

Прощаясь с сестрой, Николай крепко пожал ей руку, и мать еще раз отметила простоту и спокойствие их отношений (М. Горький. Мать, II, 4).

- в потенциале успеха: очень хороший

Уже в самом звучании его голоса мы почувствовали, что директор — человек спокойный и внимательный (В. Беляев. Стар. крепость, 3).

- в потенциале выживания: очень хороший; значительная продолжительность жизни

Новая жизнь моя пошла так безмятежно и тихо, как будто я поселилась среди затворников (Дост. Неточка Незванова, VI).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 9. – 186 с. ISBN 5-89209-434-0

Л и т е р а т у р а

- [1] *Jaensch E.R.* Die Eidetik und die typologische Forschungsmethode. Leipzig, 1927; Zur Eidetik und Integrationstypologie: Arbeiten aus dem Institut für psychologische Anthropologie an der Universität Marburg/Lahn. — Leipzig, 1941.
- [2] Антология феноменологической философии в России. Т. I. М., 1998. С. 473.
- [3] *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. С. 54.